

Фольклористика

Научная статья

УДК 398.1; 398.2

DOI 10.17223/18137083/84/1

Связь обрядового фольклора бурят с наскальными рисунками

Людмила Санжибоевна Дампилова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Улан-Удэ, Россия

dampilova_luda@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0917-5432>

Аннотация

Впервые в сравнительном аспекте на междисциплинарном уровне (фольклористика, этнография, археология) анализируется связь обрядовых вербальных материалов с наскальными рисунками. Целью работы является сравнительный анализ четырех писаниц с обрядами, проводимыми на этих горах. Определено, что писаницы совпадают, частично совпадают и не совпадают с обрядовыми действиями. Выявлено, что рисунки, совпадающие по времени с вербальным материалом обрядового действия, были специально нанесены шаманами или мифологизированы под шаманскую историю. Установлено, что древние памятники искусства на почитаемых горах не имеют шаманской семантики, но в обрядовом тексте присутствуют как сакральные знаки или подразумеваются как послания с небес для связи двух миров.

Ключевые слова

фольклор, архив, писаницы, шаманские песнопения, сакральное пространство, археология, обряд, рисунок

Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект № 121031000259-6 «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона»)

Для цитирования

Дампилова Л. С. Связь обрядового фольклора бурят с наскальными рисунками // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 9–18. DOI 10.17223/18137083/84/1

© Дампилова Л. С., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 9–18
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 9–18

Unveiling the connection between Buryat ritual folklore and rock paintings

Liudmila S. Dampilova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

dampilova_luda@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0917-5432>

Abstract

For the first time, a comparative analysis of the correlation between ritual verbal materials and rock paintings has been conducted from an interdisciplinary perspective encompassing folklore studies, ethnography, and archeology. The study focuses on four variants of scribbles and the rites performed in these mountains. The analysis has led to the conclusion that the description of the drawing of a warrior on the mountain completely coincides with the rite dedicated to the mythological shamanic celestial Shargay-noyon. The second monument, dedicated to a real warrior, has also been found to correspond to the ritual devoted to the spirit-guardian Boro-Sharga. Due to the ancient origin of the drawings on Mount Khashkhai, a partial association with the ritual has been established, with the drawings being mentioned in the text of the ritual as a sign of the deity. No correlation has been identified between the earliest drawings from Mount Baitag and the rites conducted in the early 19th century and at present. The drawings matching in time with the verbal material of the ritual proved to have been intentionally drawn by shamans or mythologized under the shamanic story. The ancient monuments of art on the revered mountains have been found to have no shamanic semantics. In the ritual text, however, they serve as sacred signs or are implied as messages from heaven to connect the two worlds.

Keywords

folklore, archive, writings, shamanic chants, sacred space, archaeology, ritual, drawing

Acknowledgements

The research was carried out within the state assignment (project no. 121031000259-6 “Ethnocultural Identity in the Architectonics of Folklore and Literary Texts of the Peoples of the Baikal Region”)

For citation

Dampilova L. S. Unveiling the connection between Buryat ritual folklore and rock paintings. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 9–18. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/1

Введение

Сибирскими фольклористами, археологами и этнографами собран богатейший материал о культовом почитании гор Забайкалья и Предбайкалья с наскальными рисунками. Природные святые места (священные горы, камни, пещеры) рассматриваются как маркируемые, этнически обозначенные локусы / сакральные объекты с особыми мифологическими и символическими кодами.

На наскальных рисунках этнической Бурятии запечатлены элементы быта, охоты, хозяйственные обряды, шаманские заклинания, некоторые знаки хранят древние знания наших предков, которые предстоит расшифровать. В шаманских легендах и преданиях наскальные и пещерные рисунки имеют своих хозяев, которым ежегодно посвящались специальные ритуальные обряды поклонения. По древней монгольской культовой традиции духи-хозяева письмен (*зурагай эзэн*) с небес посылают священные знаки, которые несут земным людям особую благо-

дать. Небесных богов (*тэнгри*) в монгольских рукописных шаманских песнопениях называют «создателями всего» [Поппе, 1932, с. 162].

Нанесенные на камни и скалы рисунки, зачастую не имеющие шаманской семантики, относят к тайным письменам, в вербальном материале маркируя функции небесных божеств как посланников священных знаков с верхнего мира. Так называемые небесные знаки как ритуальные символические коды обрастают особым смыслом в зависимости от времени и контекста обряда. Сакральные символические знаки, как и материальные предметы ритуала, в вербальном контексте сохраняют известную свободу, а включение в различные обряды придает им семантическую значимость. На горах с писаницами проводятся обрядовые действия, которые могут быть как тесно связаны, так и частично или совершенно не связаны с наскальными рисунками. В работе рассматриваются с фольклорной точки зрения вербальные материалы обрядовых действий, сохранившиеся в архивах, с приблизительной датировкой рисунков по археологическим данным. Основными источниками информации о памятниках открытого типа Предбайкалья и Забайкалья являются работы А. П. Окладникова, В. Д. Запорожской, А. В. Тиваненко и А. И. Мазина по итогам их многолетних полевых исследований. Вербальные материалы обрядов, связанных с Ленскими (Шишкинскими) писаницами, исследованы автором статьи в отдельной работе, поэтому в данной статье этот объект не рассматривается.

Методы анализа

В современной науке актуальным представляется сопоставление вербальных материалов обрядового фольклора с археологическими и этнографическими данными. Междисциплинарный подход позволяет свести данные, полученные в разных отраслях науки, в единую концепцию и обосновать новые выводы. В настоящей статье впервые проводится сравнительный анализ наскальных рисунков со священных гор Предбайкалья с обрядовыми текстами, посвященными этим горам.

Обряды на писаницах Хан Шаргай и Боро Шарга

Крупные бурятские племена эхириты, булагаты и хонгодоры устраивали шаманскому небожителю Хан-Шаргай-нойону как своему покровителю индивидуальные (*хаялга*, *дуһалга*, *заһал* и *хэрэг*) и общественные шаманские обряды (*тайлган*), отдельно проводился большой общественный *тайлган* его писанице. Ритуалы, посвященные горам и писаницам, сопровождалось играми, соревнованиями и огромными расходами. Обряд поклонения писанице Хан-Шаргай-нойона с жертвоприношением коня в 1942 г. подробно записан этнографом и фольклористом С. П. Балдаевым от Бата Зурбанова 72-х лет в улусе Б. Аларь Аларского аймака. По данным Б. Э. Петри, для проведения данного обряда «ежегодно 200–300 дворов выезжали на *тайлган* с одним конем и каждый со своей водкой и едой. В каждом племени существовала своя традиция, которая определяла количество жертвенных животных тем или иным божествам» [Петри, 1924, с. 21].

Писаница Шаргай-нойону (*Шаргайн шулуун зураг*) находится в верховьях реки Уды (Нижней), притоке реки Оки, на которой изображены человек, стоящий с натянутым луком, рядом его конь. М. Н. Хангалов подробно описал портрет Шаргай-нойона по шаманской традиции: «Шаман нарисовал мне Хан Шаргай нойона,

стоящим верхом на лошади на вершине 4-главой горы Халма-ула, сзади его изображено облако, а за ним орел, а пониже должны быть помещены 2 жолоша, 2 держателей поводьев или стремянных, но шаман их не изобразил; Хан Шаргай нойон имел за плечом колчан со стрелами, щит в виде круга с идущими от центра лучами, при бедре саблю, кнут и футляр для лука, который он держит обеими руками натянутым, с наложенной стрелой» [Хангалов, 2004, с. 250].

Можно предположить, что более упрощенный образ Шаргай-нойона как воина был специально нарисован шаманами на скале, и этому памятнику посвятили обряд поклонения. «Небесный Шарга» как мифологический божественный персонаж, спустившийся на землю для помощи людям, семантически близок к образу эпического героя воина-богатыря Гэсэра. Стоит отметить как этническую особенность бурят умение устанавливать родственные связи даже в мифологических историях: «Хан Шаргай-нойон приходится дядей Гэсэру в представлении тункинцев» [Дугаров, 2013, с. 130].

Примечательно, что Шаргай-нойон в шаманских текстах, наравне с развернутой мифологической историей божества солнечного цикла, восхваляется как реальный герой, связанный с историческими событиями: *Манжуу хара дайсанаар / Муяа-мундыгаар тулалайт, / Халхын хара дээрэмшэнээр / Хабархан эдирхэн тулалайт!*¹ 'С маньчжурскими черными воинами / Мужественно сражались вы, / С халхаскими черными разбойниками, / Отважно бились вы'. За свои воинские подвиги Шаргай-нойон получил высокое звание мастера своего дела *дархан*. В бурятском языке слово *дархан* полисеманлично, одно из его значений 'кузнец' связано с небесными божествами кузнечного огненного цикла, также это слово может обозначать мастера высокого класса и человека «вольного, не связанного повинностями» [Черемисов, 1951, с. 206]. В данном контексте в образе Шаргай-нойона прослеживается не столько мифологизация исторических событий, сколько устойчивая контаминация мифологических и исторических кодов.

В вербальных текстах, сопровождающих обряд, записанных С. П. Балдаевым в 1940 и 1942 гг., согласно теме ритуала манифестируется его мифологическая функция как божества, который не только сам спустился на эти горы, но и божественный лик свой проявляет на скале: *Буумал шулуунда / Үзэгэй зураһан бурхан! / Ургамал шулуунда / Үзэгэй хэһэн бурхан!*² 'На спустившемся с неба камне / Изображение свое оставившее божество. / На выросшем камне / Письмена свои оставившее божество!' Вполне вероятно, что именно этому изображению небожителя-воина посвятили специальный обряд, рисунок полностью совпадает с обрядом и его вербальным сопровождением.

Есть еще похожая писаница, посвященная западному небожителю Боро-Шарга. На отвесной скале у реки Белой (приток Ангары) изображен воин с натянутым луком. Имя его Боро-Шарга похоже на Шаргай-нойона, и рисунок идентичный, но без коня. Думается, что это два разных памятника, ибо С. П. Балдаевым записаны два разных текста обрядового действия и им же указаны разные места расположения. Заметим: в данном случае этнограф уточнял, что изображение было посвящено воину, стойко противостоявшему эвенкийским набегам: «На писанице в верховьях реки Белой (Бүлэн), левого притока Ангары, на высокой отвесной скале изображен вождь шошолокского рода силач и мэргэн Боро-Шарга с натя-

¹ ЦВРК ИМБТ. Ф. С. П. Балдаева № 36. Оп. 1. Д. 1272.

² Там же. Л. 31.

нутым луком, направленным в сторону врагов – эвенков. Он был убит в сражении с эвенками, и здесь находится его могила» [Балдаев, 1970, с. 181–182]. К этой писанице присоединили шаманскую историю о божестве, защитнике от злых духов: *Боро Шарга ноён / Харташанай хаалга, / Бортошоной боогол*³ ‘Боро-Шарганойон / Для коварных врагов – преграда, / Для злейших врагов – препятствие’. Данный рисунок реального воина, нанесенный на скале, в связи с историческими событиями, мифологизируется и совпадает с образом хозяина писаницы.

Обряд на горе Хашхай

Также С. П. Балдаевым записан обряд поклонения как горе, так и писанице в улусе Хашхай Унгинского ведомства Балаганского уезда Иркутской области в 1910 г., где жили буряты сартульского рода. На писанице, находящейся на горе Хашхай в долине реки Унги (левый приток Ангары), изображены сцены из жизни жителей долины. Нарисованы охотники, повседневный быт людей. На следующем рисунке четко видны верблюды (рис. 1), как и на Шишкинских писаницах. Наличие верблюдов в Западном Прибайкалье подтверждается тем, что верблюды представлены на древних писаницах эпохи курыкан на Верхней Лене [Окладников, Запорожская, 1959, с. 115]. В Западной Бурятии до середины XX в. верблюды были распространены у балаганских и верхоленских бурят.

Рис. 1. Фото верблюда на горе Хашхай
Fig. 1. Photo of a camel on Mount Khashkhai

В шаманской легенде, записанной С. П. Балдаевым в начале XX в., хозяева горы и писаницы Хашхай Толгой-Саган-нойон и Толото-Саган-хатан почитались как покровители пришлого рода сартул. Спустившимся с небес божествам как

³ ЦВРК ИМБТ. Ф. С. П. Балдаева № 36. Оп. 1. Д. 1046. Л. 28.

хозяевам горы и писаницы проводился ежегодный общественный обряд жертвоприношения. В вербальном материале обряда присутствует трафаретная формула, единая во многих обрядовых действиях, посвященных горам с рисунками: *Бурхата тэнгэриин байсаран / Байса шулуунда хууридаһан / Хан тэнгэриин байсаран / Хашхай шулуунда хууридаһан*⁴ 'При наличии божественного неба / На скале расположившиеся, / При наличии царственного неба / На Хашхай-горе обосновавшиеся'. Хотя обряд проводится покровителям рода сартулов, и рисунки не имеют отношения к собственно обрядовому действию, они упоминаются как священные знаки. Думается, если письмена нанесены в эпоху курыкан, а бурятский обряд более позднего происхождения, можно констатировать их частичную связь.

Писаницы на горе Байтаг

Гора Байтаг находится в Усть-Ордынском районе Иркутской области, считается священным местом поклонения бурят эхиритского племени. По сведениям Ц. Ж. Жамцарано, гора Байтаг «знаменита тем, что на ее *тайлган* съезжаются до 3–4 тысяч человек, колют до 400–500 баранов, до 40 и более лошадей» [Жамцарано, 2001, с. 333]. По мнению Б. З. Нанзатова и М. М. Содномпиловой, «вполне вероятно, что территория нынешнего Байтога была заселена предками буровцев (буряты эхиритского племени. – *Л. Д.*) на средневековом этапе, в курумчинское время. Наличие же оросительной системы указывает на представителей курумчинской культуры, оставивших огромный след в истории региона» [Нанзатов, Содномпилова, 2005, с. 47]. Название горы возводится к тюрк. *бай* – 'священный, богатый, чудодейственный' и *таг* – 'гора', известно оно еще с древнетюркского времени [Мельхеев, 1969, с. 37, 114]. Можно предположить, что название фиксирует сакральную функцию горы, передаваемую с древних времен.

В архивных материалах, относящихся к экспедиции Ц. Ж. Жамцарано по Кудинской долине Иркутской области 1905–1906 гг., особый интерес представляет описание горы Байтаг и рисунков со скал⁵. Сейчас на горе Байтаг не осталось ни одного рисунка, и только благодаря бесценному подвигу ученого-монголоведа, собирателя фольклора Ц. Ж. Жамцарано есть возможность анализировать сделанные от руки рисунки. Ученый отметил, что под рисунками имеется пометка недавнего времени «1814», поздняя запись на скале, и это почти за 90 лет до посещения им данной горы.

По записям Ц. Ж. Жамцарано выясняется, что он одну сцену срисовал с обломка, найденного на горе, о другой сцене сказано: «верхняя половина картины обвалилась, до 50 рисунков нам удалось срисовать, лишь наиболее важную часть»⁶. На схематических рисунках, сделанных исследователем с западной стороны горы, изображены разные элементы бытовой жизни: кибитка, запряженная скорее волком, чем лошастью, ибо явно видны воловьих рога (рис. 2); скачут всадники на конях, подгоняя их кнутом.

Для определения времени создания данных рисунков здесь значимо наличие кибитки, как и на Ленских скалах, ясно показывающее, «что их владельцы были настоящим кочевым племенем, как монголы XI–XIII вв., а не оседлым и полuosедлым народом, подобно тюркам-курыканам. Исчезновение подобных кибиток

⁴ ЦВРК ИМБТ. Ф. С. П. Балдаева № 36. Оп. 1. Д. 1275. Л. 17.

⁵ Там же. Ф. Ц. Ж. Жамцарано № 6. Оп. 1. Л. 26.

⁶ Там же. Л. 25.

у собственно монголов в Халхе до XV в. дает право полагать, что и на Лене они относятся к весьма раннему времени, очевидно, ко времени распространения там древних монгольских переселенцев» [Окладников, 1959, с. 174].

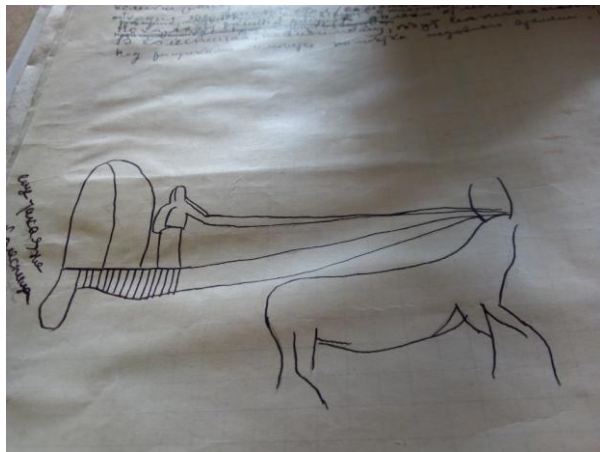

Рис. 2. Кибитка, запряженная волом на горе Байтаг
Fig. 2. A wagon drawn by an ox on Mount Baytog

По выводу Ц. Ж. Жамцарано, на картинах изображены сцены облавной охоты на зверей: «До недавнего времени гора Байтаг служила местом облавы *зэгтэ аба*»⁷. Если рисунки относятся к периоду облавной охоты монголов и кибитки принадлежат древним монголам, то можно предположить, что рисунки относятся к истории монголов и бурят XI–XIII вв. (рис. 3).

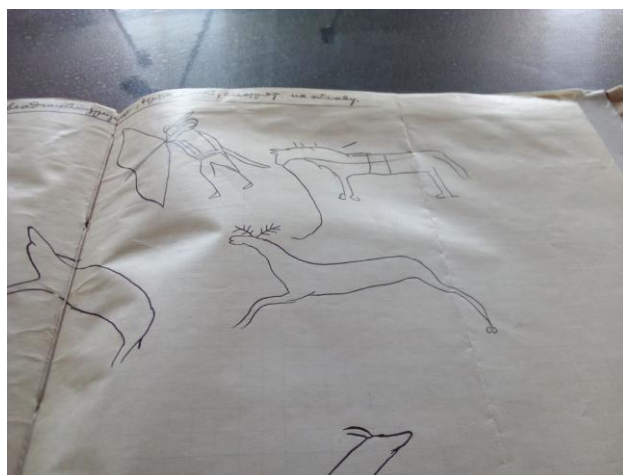

Рис. 3. Сцена охоты на горе Байтаг
Fig. 3. Hunting scene on Mount Baytog

⁷ ЦВРК ИМБТ, ф. Ц. Ж. Жамцарано № 6, оп. 1, л. 25.

Для каждого племени бурят и монголов близлежащие большие горы олицетворяли сакральный центр родовых промысловых угодий. Облавная охота как древний вид жизненно необходимых общественных мероприятий сопровождался обязательными шаманскими ритуалами, способствующими достижению намеченной цели. Шаманы зачастую выполняли функцию предводителей своего клана, и, что примечательно, «начальником зэгэтэ-аба был главный шаман-галши, которому подчинялись все участники облавы. Он управлял зэгэтэ-облавышками с помощью других высших шаманов, которые занимали разные должности в зэгэтэ-аба» [Хангалов, 2004, с. 59]. Поэтому естественной является сакрализация сцен охоты во время *зэгэтэ-аба* на скалах, подчеркивающая священность родовой горы.

Ц. Ж. Жамцарано в упомянутой экспедиции записал обряд, проводимый на горе Байтаг: «Тогда жертвоприношения совершали в честь богини, которая дарует детей. Имя ее Нугулай төөдэй, дочь тэнгрия, снизошедшая по велению богов» [Жамцарано, 2001, с. 333]. Получается, во время записи Ц. Ж. Жамцарано молились так называемой Байтагской бабушке (*Байтагай төөдэй*). В данном случае рисунки не соответствуют шаманской легенде, не имеют мифологической нагрузки, связанной с темой обрядового действия. Рисунки и шаманская легенда о хозяйке горы явно расходятся во времени.

Если Ц. Жамцарано записан обряд поклонения хозяйке горы как покровительнице детей, то, по современным полевым материалам Н. Б. Дашиевой, эхириты, переселившиеся в Кабанский район Бурятии, в своих призываниях трафаретно упоминают гору Байтаг «как священное родовое хранилище: *Даб гэнэн дайда, / Дахид гэнэн долай, / Эхэ сагаан Байтаг!* [Дашиева, 2001, с. 19] ‘Встрепенувшаяся земля, / Всколыхнувшееся море, / Мать белый Байтаг!’. Со временем хозяйка горы Байтаг из особой Байтагской бабушки, покровительницы детей, становится всеобщей матерью, хранительницей большого племени эхирит. Примечательно, что и сегодня сохраняется функция горы как хранительницы души ребенка: «На вершине горы, где располагаются жертвенники, сложены две кучи камней, где каждый камень символизирует собой душу мужчины. Отец ребенка совершает жертвоприношение овцой предкам и духам-хозяевам местности и дополняет кучку камней новым камнем, символизирующим душу новорожденного мальчика» [Нанзатов, Содномпилова, 2005, с. 53].

Сегодня буряты эхиритского племени со всей этнической Бурятии ездят поклоняться хозяйке горы Байтаг как хранительнице и защитнице рода. Со временем рождается новая легенда о хозяевах священных гор с более широким семантическим наполнением. В современный период гора является объектом поклонения, где не упоминаются рисунки. Память о рисунках с древних времен, как бы ниспосланных божествами, являются доказательством связи горы с небом и подспудно увеличивают священность почитаемого пространства. Вполне допустимо, что в обрядовых текстах, посвященных горе Байтаг, было трафаретное упоминание о письменах.

Заключение

Итак, нами рассмотрены три разных варианта почитания рисунков на скалах как мифологических, этнически обозначенных кодов. В первом случае писаницы на горе позднего происхождения соответствуют шаманской мифологии, и существуют специальные обряды, посвященные писаницам Шаргай-нойона и Боро-Шарга. В обрядовых действиях на горе Хашхай шаманская легенда обряда не свя-

зана с рисунками древнего периода, но гора почитается за свои рисунки, что сохранилось в вербальной части обряда. В почитании горы Байтаг выявлено, что обряды связаны только с горой, а не с писаницами.

Исходя из вышеизложенного, приходим к выводу, что наскальные рисунки, время нанесения которых установлено приблизительно, переходя из поколения в поколение от одного народа к другому, населяющему данную местность, меняют свою семантику, мифологическую кодировку согласно традиции и верованиям народа. Древние рисунки, связанные с реальными бытовыми сценами, хотя не имеют шаманской мифологической семантики, в обрядовом событии почитаются как отправленные с неба коды, маркируя сакральное этническое пространство. В связи с обожествлением объекта рисунки на скалах священных гор зачастую приобретают легенду, связанную с шаманскими мифами и реальными историями. Они «включены в синкретический текст ритуала или мнемонически связаны с устными текстами, приуроченными к данному месту и времени» [Лотман, 2000, с. 369]. В ходе сравнительного анализа рисунков с гор и вербальных составляющих обряда установлена подмена исторических фактов востребованным данным временем мифологическим кодом. Также выявлено, что сопровождающий обрядовые действия вербальный материал может иметь собственную мифологическую историю, не связанную с наскальными рисунками.

Список литературы

Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. Ч. 1. 364 с.

Дашиева Н. Б. Бурятские тайлганы. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2001. 105 с.

Дугаров Б. С. Присяянье – Хубсугул: историко-культурные связи и параллели. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 258 с.

Жамцарано Ц. Ж. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 380 с.

Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.

Мельхеев М. Н. Топонимика Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. 185 с.

Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Байтог: «Баруун буураһууд». Исследование локальной группы бурят // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и развития. Иркутск, 2005. Вып. 4. С. 47–54.

Окладников А. П. Шишкинские писаницы. Иркутск: Иркут. кн. изд-во, 1959. 214 с.

Окладников А. П., Запорожская В. Д. Ленские писаницы. Наскальные рисунки у деревни Шишкино. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 144 с.

Петри Б. Э. Территориальное родство у северных бурят // Изв. Биол.-геогр. науч.-исслед. ин-та при Иркутском университете. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1924. Т. 1, вып. 2. 24 с.

Поппе Н. Н. Описание монгольских «шаманских» рукописей // Зап. Ин-та востоковедения Академии наук. М.; Л.: [Б. и.], 1932. Т. 1. С. 151–200.

Хангалов М. Н. Собр. соч.: В 3 т. Улан-Удэ: Республ. тип., 2004. Т. 1. 508 с.

Черемисов К. М. Бурят-монгольско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. 852 с.

References

Baldaev S. P. *Rodoslovnye predaniya i legendy buryat* [Genealogical stories and legends of Buryats]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1970, pt. 1, 364 p.

- Cheremisov K. M. *Buryat-mongol'sko-russkiy slovar'* [Buryat-Mongol-Russian dictionary]. Moscow, Gos. izd. inostr. i nats. Slovary, 1951, 852 p.
- Dashieva N. B. *Buryatskie taylgany* [Buryat tailgans]. Ulan-Ude, ESSIC, 2001, 105 p.
- Dugarov B. S. *Prisayan'e – Khubsugul: istoriko-kul'turnye svyazi i paralleli* [Prisayanye – Khubsugul: historical and cultural ties and parallels]. Ulan-Ude, BCC SB RAS, 2013, 258 p.
- Khangalov M. N. *Sobr. soch.: V 3 t.* [Collection of works: in 3 vols]. Ulan-Ude, Respubl. tip., 2004, 508 p.
- Lotman Ju. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskustvo-SPb, 2000, 704 p.
- Mel'kheev M. N. *Toponimika Buryatii* [Toponymy of Buryatia]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1969, 185 p.
- Nanzatov B. Z., Sodnompilova M. M. Baytog: “Baruun buurahuud”. Issledovanie lokal'noy gruppy buryat [Baytog: “Baruun buurahuud”. Research of a local group of Buryats]. In: *Narody i kul'tury Sibiri. Vzaimodeystvie kak faktor formirovaniya i razvitiya* [Peoples and cultures of Siberia. Interaction as a factor of formation and development]. Irkutsk, 2005, iss. 4, pp. 47–54.
- Okladnikov A. P. *Shishkinskie pisanitsy* [Shishkin pisanitsy]. Irkutsk, Irk. kn. izd., 1959, 214 p.
- Okladnikov A. P., Zaporozhskaya V. D. *Lenskie pisanitsy. Naskal'nye risunki u derevni Shishkino* [Lena's writings. Rock paintings near the village of Shishkino]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1959, 144 p.
- Petri B. E. Territorial'noe rodstvo u severnykh buryat [Territorial kinship among the Northern Buryats]. In: *Izv. Biol.-geogr. nauch.-issled. in-ta pri Irkutskom universitete* [Proceedings of the Biol.-Geogr. Scientific Research Institute at the Irkutsk University]. Irkutsk, ISU, 1924, vol. 1, no. 2, 24 p.
- Poppe N. N. Opisanie mongol'skikh “shamanskikh” rukopisey [Description of Mongolian “shamanic” manuscripts]. In: *Zap. In-ta vostokovedeniya Akademii nauk* [Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences]. Moscow, Leningrad: [B. i.], 1932, vol. 1, pp. 151–200.
- Zhamtsarano C. Zh. *Putevye dnevniki 1903–1907 gg.* [Travel diaries 1903–1907]. Ulan-Ude, BCC SB RAS, 2001, 380 p.

Информация об авторе

Людмила Санжибоевна Дампилова, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник, координатор проекта отдела литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

Information about the author

Ludmila S. Dampilova, Doctor of Philology, Principal Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 21.12.2022;
одобрена после рецензирования 16.02.2023; принята к публикации 16.02.2023
The article was submitted on 21.12.2022;
approved after reviewing on 16.02.2023; accepted for publication on 16.02.2023*